

Э. А. Салихова

Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия

ORCID ID: 0000-0001-9570-1763 E-mail: salelah12@yandex.ru.

К вопросу о вербальной реализации призыва

АННОТАЦИЯ. Материал публикации содержит данные об особенностях вербального воплощения жанра призыва в текстах различной (политической, религиозной, социальной) направленности. Автор пытается определить основные характеристики содержания призывов — высказываний побуждающего характера — при проведении судебных и досудебных экспертиз. На конкретных примерах демонстрируется анализ плана выражения явных и неявных (скрытых, косвенных) призывов. Приводятся необходимые для выявления последних лингвистические и психолингвистические обоснования, выделенные на базе проанализированных автором материалов проверки. Учитывается и роль невербальной составляющей жанра призыва в контексте его вербального представления. Проанализированные классификации являются лишь очередным шагом к выработке четко обоснованной научной позиции по данной проблематике. Предстоит еще сложная и кропотливая работа для того, чтобы вывести окончательный перечень лингвистических критериев классификации призывов к экстремистской деятельности. Исследование поможет раскрыть отдельные вопросы, недостаточно освещенные в теории современного русского языка, в практике лингвоэкспертологии. Статья призвана продолжить научную дискуссию по этим вопросам, которая необходима для установления четкого понимания в данной сфере. Аргументируется объективная необходимость научных исследований в этой области, которые смогут принести как теоретическую, так и практическую пользу. Автор надеется на востребованность материала публикации при написании лингвистических исследований / экспертиз.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистическая экспертиза; призывы; лексическая семантика; психолингвистика; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Салихова Эльвина Ахнафовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики, Уфимский государственный авиационный технический университет; 450008, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 12, к. 1-301; e-mail: salelah12@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Салихова, Э. А. К вопросу о вербальной реализации призыва / Э. А. Салихова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 167-176. — DOI 10.26170/pl19-02-19.

В начале «нулевых» годов понятие «экстремизм» обозначало «насильственные действия или угрозу их применения религиозными фанатиками или другими людьми похожих взглядов», в последнее время на первый план в СМИ и Интернете стал выступать «словесный экстремизм» [Игисенов 2018: 59], или «язык вражды» (от английского «hatespeech») [Моровов 2016: 21].

При проведении лингвистических экспертиз одним из частых является вопрос о содержании в материалах проверки высказываний «побуждающего характера» [Бринев 2016: 69—71], т. е. призывов. На первый взгляд, вопрос достаточно ясен, однако такого рода ответ на них не всегда очевиден из-за неоднозначности термина «призыв». В большинстве лингвистических лексико-графических изданий этот термин отсутствует, а в словарях литературного языка внимание привлекается к плану содержания [Власова 2016: 123]. В практике исследований целесообразным считается опора на формальные признаки призывов, убедительные для нелингвистов [Галяшина 2006; Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011 и др.].

Характеристика текста, содержащего элементы «языка вражды», безусловно, лингвистическая задача. Жанровыми признаками призыва в тексте являются те или иные лексические единицы, грамматические формы, синтаксические конструкции; в аудио- и видеотекстах — дополнительные интонационные средства. Варианты подтекстовой или затекстовой передачи информации тоже предполагают возможность их выявления совокупностью контекстуального, семантического и лингвопрагматического методов и приемов дискурсивного анализа. Призыв как особый тип побудительного речевого жанра традиционно описывается по семантической схеме: «хочу, чтобы ты сделал X / говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал / знаю, что ты это сделаешь, потому что ты знаешь, что ты обязан делать то, что я хочу, чтобы ты делал» [Бринев 2016: 69—71; Судебно-психологическая экспертиза... 2012: 10].

Приведем дефиницию слова «побуждение» (или «призыв») в толковом словаре: «2. Звуки, слова, с помощью которых приказывают или зовут для чего-либо. 3. Обращение в краткой форме, выражающее полити-

ческое требование; лозунг» [Большой толковый словарь... 2000: 978]; «2. Политический лозунг, обращение, в лаконичной форме выражающее руководящую политическую идею, требование. 3. Обращение, в краткой форме выражающее руководящую идею, политическое требование; лозунг» [Ожегов 1989: 480].

В «Русской грамматике» (1982) отмечены формальные (языковые) признаки призывов: 1) наличие глагола в повелительном наклонении; 2) наличие эксплицитной перформативной формы призыва (глагол «призывать» в 1 л. ед. или мн. числа); 3) формы глагола «давать» (даешь, давай, давайте); 4) форма «дойлой!»; 5) частицы «пусть» и «пускай», форма «вон» и частица «да»; 6) использование номинализаций; 7) предлог «к» с императивной интонацией; 8) инфинитивные предложения с императивной интонацией; 9) именные предложения; 10) отрицательная частица с императивной интонацией; 11) модальные глаголы с семантикой долженствования типа *необходимо, следует, требуется, нужно* [Грачев 2016: 54—111; Судебно-психологическая экспертиза... 2012: 12—15].

Многие исследователи (М. А. Осадчий, К. Бредемайер, О. Б. Власова, Д. В. Мороров и др.) считают признаком присутствия призыва в тексте реализацию его полной или сокращенной формулы: «наименование адресата — наименование действия — наименование объекта — императив». Иными словами, наличие призыва к осуществлению экстремистской деятельности предлагается определять по выявлению в тексте адресата, императива, побуждающего осуществить противоправное действие в отношении определенного объекта. В речевой ситуации отсутствия одного из этих компонентов имеет смысл говорить о наличии косвенного призыва.

Специалист в области речевой коммуникации Карстен Бредемайер, квалифицируя призывы, дает им следующее определение: «Призыв — более эффективное средство, чем вопрос, так как вы прямо указываете собеседнику, что нужно что-то сделать. Вы не спрашиваете собеседника о его решении, вы предлагаете ему уже готовое» [Бредемайер 2005: 85]. Он также отмечает, что «призывы — чудесный инструмент, помогающий разнообразить коммуникацию, потому что призывы, как и вопросы, могут: умиротворить собеседника или спровоцировать; выявить факты или скрыть факты; разубедить в чем-то или внушить что-то; побудить к чему-либо или демотивировать; заострить внимание на предмете обсуждения или на личности собеседника; просить поделиться

впечатлениями или допрашивать; выявить оценку или признать оценку ошибочной; попросить объяснения или потребовать оправдания; призвать к более детальному описанию или перекрыть источник красноречия» [Там же: 86].

В типологии исследователя высказывания побудительного характера выделяются на основе коммуникативных и прагматических установок говорящего/пишущего. Дадим краткое описание каждого из видов призывов, проиллюстрировав собранным материалом (орфография и пунктуация, стиль источников здесь и далее сохранены). Так, коммуникативные призывы содержат четкое указание и прямое обращение, в них обязательно наличие императивного глагола: ...**тогда надо действовать варварски и жестоко, поднять бунт!**

Тесно связаны с первыми призывы к действию, предусматривающие требование произвести действие и прямое обращение: **Давайте в количестве 500-1000 человек ворвемся к нему в кабинет... и скинем мэра, за волосы вытащим на площадь и обожжем..., искупаем их в моче; Давай замутим митинг!; давайте сожжем чуело мэра в связи с масленицей; второй майдан надо устроить!**

Предсказуемые призывы — те, при произнесении/написании которых изначально известны ответ или предполагаемое направление рассуждения собеседника, и адресат получит желаемую информацию: **набираю армию для атаки... никого из вас не заставляю мне помочь, но если есть желание, то я буду рад, за последствия, которые с вами могут случиться, вы отвечаете сами (ранения в драке или огнестрелом); лучше сжечь самого мэра; ... а представь, хотя бы 70% населения города <...> будет, кто же их посадит?**

Позитивные цели открытых призывов, как указывается в ряде работ [Мороров 2016; Пинкевич 2014], в иных жанрах коммуникации заключаются в том, чтобы позволить адресату дать более подробный и основательный ответ, не ограничиваясь краткими «да» или «нет». Параллельно эти призывы стимулируют мотивацию собеседника, его вовлеченность в разговор: собеседник становится более красноречивым. В рассматриваемых нами побуждениях к экстремистской деятельности часто употребляются вопросительные слова — *кто, что если, где, когда, каким образом, куда*: ...**а что если перекрыть выезд из гаражных ворот мэрии?** Негативные цели состоят в том, чтобы принудить человека к оправданию, выявить противоречия в его выступлении, под-

толкнуть его к тому, чтобы он углубился в такие сферы, в которых он некомпетентен: ...исправление **такой ситуации** нуждается не в единицах рядовых мусульман, а нуждается во вмешательстве мусульманских стран!

Позитивные цели закрытых призывов в общении состоят в том, чтобы ограничить красноречие собеседника, уточнить какой-либо факт; в высказываниях-побуждениях к экстремизму они приобретают целенаправленность: **Если ты вернешься к правилам Салафии, касаясь отношений с бидачиками, то увидишь, что это правило твердо установлено... надо унижать, позорить, стыдить их и тому подобные действия, которые необходимы в отношении к ахлюль бид'а...правила ...единогласны в обязательности унижения их, т. е. бидачиков, в необходимости изгнания их, а также враждебности к ним и предостережении людей от них...Мы не должны обходиться с ними мягко....** К негативным целям относится также стремление с помощью высказанного призыва внушить собеседнику определенную ответную реакцию, побудить его сделать неправильные выводы или признания, к которым он нерасположен: **Разве вы не побойтесь Аллаха? Не начать ли вам беречь ваших женщин и детей и хранить то, что вверил вам Аллах и Он спросит вас об этом вверенном в судный день?** В религиозно ориентированных дискурсах они используются для того, чтобы не оставить собеседнику или оппоненту права выбора. Отличия этого вида призывов состоят в том, что они стимулируют собеседника к тому, чтобы он четко обозначил свою позицию, констатировал факты или уточнил положение вещей: **Д-а-а...кто не уважает себя и свое будущее. Никто в <город> не пойдет митинговать. Все трусы и пессимисты!**

Полуоткрытые/полузакрытые призывы носят компромиссный характер, сужая тем самым тематическое поле ответа с помощью заданной возможности. При этом используются наводящие слова, например, союз «или» для получения исчерпывающего ответа, но с соблюдением установленных уже самой формулировкой границ: **...или заполнить площадь машинами и непрерывно сигналить в течение 15 минут?**

Прямые призывы оповещают об открытой коммуникации, во время которой выяснение фактов и состояния дел сознательно ставится на первое место с учетом личных особенностей коммуникантов (религиозность/нерелигиозность, профессиональные предпочтения и пр.) и темы разговора: **Не ле-**

нись распространить эту информацию в группах и соцсетях, в которых ты зарегистрирован и которыми ты пользуешься, и надейся за это на награду в Судный день!

Приведенные выше примеры относятся к эксплицитным (явным) призывам, в которых последние вводятся в текст за счет предикации. В качестве смыслового и структурного ядра выступает форма повелительного наклонения, кроме которого явный призыв структурирует грамматическая форма будущего времени глагола 2 лица мн. числа: **не должны думать** и т. д. [Власова 2016: 124]. Призывный характер могут приобретать в соответствующих контекстах и вставки (например, стихотворения или их фрагменты и пр.). Так, в песнопении «Войны Аллаха. Нашид (с переводом)», в котором присутствует большое количество глаголов повелительного наклонения и будущего времени в обобщенном значении, используется «мы»-обращение, объединяющее массу мусульман. Такие тексты в рассматриваемом контексте всего материала, где преобладают сведения, оправдывающие и поддерживающие террористическую деятельность, могут иметь иное воздействие на аудиторию, так как их коммуникативная цель ведет за собой «потерю нравственных ориентиров и, как следствие, возможную заинтересованность деятельностью различных псевдорелигиозных движений» [Волкова 2016: 26—27].

Имеющаяся в тексте песнопения «Войны Аллаха. Нашид (с переводом)» директивная информация, побуждающая к тем или иным насильственным действиям: *До тех пор, пока начнется наступление / мы придем, войны, отвечающие на зов, // О войны Аллаха, / Никогда мы не отклонимся; И несомненно, / однажды Мы освободим Аль-Аксу // И наш выкуп останется навсегда // В Сады Господа моего отправится шахид / с Его пути мы не отклонимся никогда!; Мы пойдем, дальше, // как войны, крушащие врагов / С Кораном Нашего Господа, как источником для нас / И это вселяет в нас новую убежденность!* — направлена против группы лиц по их отношению к религии. Дан обобщенный образ жертвы политического режима с конкретизацией религии (мусульманской). В контексте всего материала песнопение, безусловно, воспринимается читателем применительно к социально-политическим условиям Сирии. В идеологическом тексте сознательно нагнетается религиозный пафос: *Никогда мы не отклонимся... / от пути Веры // Наш путь — прямой путь // Наш путь — прямой путь, с указаниями Корана / Идущие, по пути истины, // О войны Алла-*

ха // О войны Аллаха! Это объясняется тем, что «сакральная семантика» оказывает особо глубокое воздействие на человека в силу «связи представлений о сакральном с базовыми структурами сознания (центральная зона ментальности, по С. В. Лурье)», а именно с локализацией образов добра и зла [Казаков 2013: 202]. В песнопении определенно образуются два семантических полюса: добро выражается словами «мы», «не отклонимся», «от пути веры» (оно приобретает в этом тексте сакральный статус), а зло — словами и словосочетаниями «как войны, крушащие врагов».

Косвенные призывы имеют отрицательную характеристику, поскольку являют собой попытку замаскировать истинную цель высказывания или же негативно оценить разговор посредством ложных утверждений: *...но если есть желание, то я буду рад; за последствия, которые с вами могут случиться, вы отвечаете сами (ранения в драке или огнестрелом);* используют косвенную провокацию: *Они сами этого хотели и добились, никто не заставлял их воровать и делать жизнь гражданам хуже; Дорогами бы занялись!*

Показательными в перечисленных группах косвенного (скрытого) призыва являются часто используемые единицы со значением долженствования, необходимости (*надо, нужно, необходимо, недопустимо* (= допустимо не), *следует, должно, не должно* (= должно не), *(не) должно быть, должны, обязаны, обязательно, (является/становится) обязанностью / обязательным / необходимым / неизбежным, обязывает* и т. п.), а также единицы (например, перформативы), побудительная семантика которых не имеет формальных средств выражения, является лексической [Власова 2016: 124] — *требует(ся), рекомендует(ся), не позволяет(ся), за-воспрещает(ся), остается (лишь), хотеть, нельзя, хватит, довольно* и др.: *Наши сердца с вами, хватит пресмыкаться! Наше богатство с вами и наше оружие по воле Аллаха скоро будет с вами! Остается лишь сражаться за свободу!* Не вызывает сомнений положение о том, что иллокуцию призыва могут принимать и «высказывания, не имеющие формы побуждения и не включающие перформативные глаголы класса директивов (*Я призываю, Я приказываю...*), ...порожденные в некоторой коммуникативной ситуации (в аудитории, на городской площади, в телестудии) и произнесенные с определенной интонацией» [Мишланов, Салимовский 2013: 72]. Высказывания типа *Как вы думаете, если подать на них в суд — их посадят за оправдание тер-*

роризма лет на 24? Пескова например?; ...Когда несправедливость становится законом — противостояние становится долгом мотивированы теми же интенциями и имеют ту же коммуникативную цель, что и прямые призывы [Там же].

В основе неявного призыва, как отмечалось [Мишланов, Салимовский 2013: 73—74], нет императива и слов императивной семантики, однако они могут быть добавлены в контекст, например: *...Вы с американцами раздавали нам оружие, учили нас воевать думая, что мы будем вашими цепными псами, а мы — не псы. Теперь у нас есть ваше оружие, и мы готовы умереть за Аллаха. Мы вас победим!; ...Ни один мусульманин не должен мириться с тем, чтобы мусульманку, которая была воспитана на Коране, схватили и насильно привели в спальню жестокого тирана* и пр.

Доказать наличие неявного призыва, когда конструкция с предикатом не имеет императива, с нашей точки зрения, можно, если анализируемая фраза расположена на фоне какого-либо изображения, дополняющего смысл текста. Например, выстрелы в кадрах в видеозаписи под названием «Кафир»: *...с именем Аллаха милостивого, я получил твое видео в ютубе, о сын кафира, и запомни об одной вещи, ты не услышишь мой ответ, ты увидишь мой ответ* — не оставляют сомнений в том, что такая концовка дается с целью косвенного призыва, даже скрытой угрозы, к выбору способа претворения в жизнь действий, об итогах которых дана следующая информация: *...на юге Москвы прихожане храма Апостола Фомы молятся об упокоении священника Даниила Сысоева, убитого в ночь четверга на пятницу, у него много друзей среди священников, они будут непрерывно совершать по нему панихиду, вплоть до дня похорон* (по материалам из социальных сетей).

Если бы текст не сопровождался указанным изображением, обосновать позицию о наличии данного косвенного призыва в составе первой фразы с предикатом и с отсутствующим императивом было бы сложнее. Этому выводу способствует двухчастная оппозиция, где негативно-оценочные слова *от пробиваемого шайтана, сын кафира* противопоставлены выражению *ты не услышишь мой ответ, ты увидишь мой ответ*. Именно эта бинарная оппозиция является основанием для квалификации высказывания как неявного призыва.

Содержание видеоматериала на странице может по-разному интерпретироваться зрителями, но в контексте выкладываемой

информации квалифицируется как скрытое побуждение к формированию негативного отношения к немусульманам (преимущественно лицам неисламской религии). Подтверждением этому служат последующие 37 комментариев к видеозаписи «Гниду нашли и наказали»: **Надо было застрелить!; ...весь его тухум надо убить; Красавчики, что избили этого придурка** и под.

Предлагаемые для исследования материалы в своей совокупности часто представляют собой сложную систему языковых, визуальных (статические изображения — преимущественно фото) знаков [Голикова 2014: 67]. Следуя семиотической традиции, подобный феномен как осмысленную последовательность знаков разного рода мы называем поликодовым текстом — текстом, фактура которого состоит из двух неомогенных частей (вербальной, языковой (речевой) и невербальной — принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [Салихова 2016: 61]; текстом, обладающим всеми необходимыми признаками креолизованности: синтетический операторный способ (ориентация на зрительное восприятие), особая сфера функционирования (оценивается при восприятии как общественно и политически значимая деятельность), синтетический тип функционирования (пространственная и временная протяженность, изобразительность, непрерывность, виртуальная расположенность на плоскости и в пространстве) [Рогожникова, Салихова 2019]. Синтетическая форма креолизованного текста обусловлена требованиями современного общества, ориентирующегося на визуальный способ представления информации, что, в свою очередь, значительно повышает прагматический, т. е. «воздействующий потенциал» данного типа текстов [Рогожникова 2018; Экстремистский текст и деструктивная личность 2011].

Исходя из перечисленных особенностей креолизованного текста к числу скрытых, или косвенных, призывов отнесем фотоизображение негативного характера, потому что оно представляет собой попытку скрыть, замаскировать истинную цель провокации: огнестрельное оружие и военный рюкзак в совокупности несут контекстуальное значение призыва к военным действиям, участию в них. Последующий к фото комментарий-реакция участника чата *Хочу в ИГИЛ* (запрещенная в РФ террористическая организация) семантически дополняет затекстовую информацию — сведения о событии или его отдельных аспектах, в тексте непосредственно не выраженные; вместе с тем предполагается, что и читатель, и располагаю-

щий на странице фото знают ее [Салихова 2016: 62]. Речь идет о скрытом приглашении участвовать в военных действиях, согласно кораническому описанию, — таухиде, т. е. распространении единобожия на земле. Подобная интерпретация имеет место еще и потому, что фото размещено на странице, название которой в переводе с арабского означает «мусульманское священное предание о единобожии, излагающее примеры из жизни исламского пророка Мухаммада как образец и руководство для всей мусульманской общины (уммы) и каждого мусульманина». Таухид является одним из основных, фундаментальных догматов ислама, означает прежде всего отрицание политеизма (ширк), выражающееся в формуле «Нет иного божества, кроме Аллаха» (из текстовых материалов социальных сетей).

Исходя из лингвопрагматического определения «побуждения (призыва)» как речевого акта, обращенного к адресату, можно выделить основной признак данного вида обращения — оно делается с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, способствующих достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы [Игисенов 2018; Иссерс 2008]. Данное определение речевого акта призыва и описанные условия его успешности составляют центральную часть того множества речевых актов (так называемых классических призывов), которое неомогенно: в нем выделяются виды призывов, которые, как кажется, с равным правом относятся к центру обсуждаемой категории. Рассматривая соотношение между говорящим и адресатом при осуществлении речевого акта побуждения, легко заметить, что далеко не всегда они противопоставлены по отношению к предполагаемому действию (деятельности) [Власова 2016; Кара-Мурза 2009].

По общему правилу, то или иное побуждение/призыв может рассматриваться как провоцирующий некие незаконные действия, только если содержание таких действий в части, нарушающей действующее законодательство, непосредственно раскрыто в нем [Памятка... 2004; Пинкевич, Черных 2013].

Воздействие звучащего высказывания складывается из созначений, которые выражаются его лексико-семантическим составом, синтаксической конструкцией, интонацией, и может быть уточнено контекстом. Интонация формирует различные смысловые и эмоционально-стилистические оттенки высказывания. Выявление специфики взаимодействия интонационных и лексико-син-

таксических средств при выражении значения высказываний, а также семантико-синтаксических связей между ними и их частями основывается на учете коммуникативных факторов, влияющих и на их просодическую сегментацию [Салихова 2016]. Так, с точки зрения содержания в аудиоматериалах читающий раскрывает в речи отдельные положения мусульманского вероучения, опираясь на тексты священных книг (Корана), свидетельства пророков, а также рассуждает, разъясняя их с учетом жизненного опыта слушателей, при этом умело и гармонично соотнося сиюминутные проблемы дня с вечными истинами бытия, и стремится убедить адресата. В этом аспекте для говорящего важно и необходимо акустически выделить актуальные для каждого конкретного духовного наставления понятия, ключевые, опорные слова, а также обозначить связи между ними.

Анализ материала показывает, что, в отличие от чтения молитвенного текста, звучание одной из проанализированных аудиозаписей семантически обусловлено. Выбор интонационных средств зависит от коммуникативного типа высказывания, его лексического состава и степени синтаксической распространности. Совокупность просодических характеристик принимает участие в противопоставлении таких коммуникативных значений высказываний, как сообщение, побуждение; дифференцирует оттенки значений в высказываниях одного и того же коммуникативного типа.

Отличительной особенностью звучащей речи является объединение разных каналов передачи информации. Сочетание устойчивой видеокартинки (арабская запись названия белым шрифтом на черном фоне) и аудиоканала обладает значительным преимуществом по сравнению с традиционным текстовым способом описания: звуковая и визуальная составляющие, интонационные элементы (логическое ударение, пауза, мелодика, темп, тембр). В сознании слушателя, воспринимающего аудиозапись, черно-белый контраст представления слов и выражений устойчиво ассоциируется с атрибутикой воинов джихада — чирными флагами с белой надписью, символически представляющих обозначение территорий, граничащих с Дар аль-исламом (территория ислама), лидеры которой призывают принять ислам и следовать его канонам [Салихова 2016: 63—64].

Интонационные особенности речи помогают конструировать образ говорящего, по ним слушатели могут составить представление о личности говорящего, его компетент-

ности и привлекательности.

О. С. Иссерс отмечает, что эффект воздействия наблюдается при изменении некоторых супraseгментных характеристик: интонации, логического ударения, тембра, скорости речи [Иссерс 2008: 155]. По мнению Е. В. Шелестюк, роль ритма «заключается в бессознательной запоминаемости образа текста, рецепторной и двигательной направленности реципиента на текст, желании его имитации» [Шелестюк 2008: 169]. Согласно методике исследования и типологии интоном (О. В. Филиппова), мы разбиваем звучащий текст записи на сегменты — отрезки речи разной длины, характеризующиеся относительной смысловой независимостью и полученные в результате членения речевого потока на составляющие отрезки по правилу сохранения непрерывности речевой цепочки при следовании управляемого компонента за управляющим словом [Там же]. Таким образом было выделено несколько типов интоном, оказывающих воздействие на слушателя.

Интономы важности подчеркивают преимущества выполнения верующими религиозных наставлений: **Тем же, которые избегают поклонения идолам и обращаются с мольбой к Аллаху, — радостная весть...** Они выполняют задачу привлечения внимания к наиболее значимой информации и способствуют лучшему запоминанию. Важное выделяется разными способами: замедлением темпа, увеличением интенсивности (силы произнесения), изменением диапазонной высоты (изменение основного тона по отношению ко всему диапазону голоса), повышением или понижением мелодического тона, которое происходит, как правило, на одном слове [Иссерс 2008]. Указанные способы в некоторых фрагментах аудиозаписи объединяются.

При перечислении наставлений иногда используется *пословное акцентирование* — оно создается путем выделения каждого слова логическим ударением, интенсивностью, замедленным темпом и паузами: **Самый низкий уровень отречения // необходимого для каждого взрослого // и без которого он не спасется /// это // отдаление от тагута // не поклонение ему // и не последование ему в его ширке //...** Пословное акцентирование позволяет достичь особого риторического эффекта, который подчеркивает высокую информационную значимость в глазах говорящего и становится средством риторического воздействия на слушающего [Там же].

Выявленные *волюнтаристические интономы* в аудиозаписи выполняют функцию

управления вниманием слушателя, придают речи побуждающий тон, отличаются высокой диапазонной высотой, увеличенной интенсивностью (в случае произнесения глаголов-императивов), волнообразной мелодикой (восхождение и нисхождение тона): *...Все-вышний сказал: „Поклоняйтесь Аллаху и избегайте тагута“; тагут, которого ты должен отвергать; если вы им не подчинитесь, то вы мушрики; И вот, мой брат, когда ты все это понял, знай, что самая высшая степень приверженности... к исламу...* (из материалов социальных сетей). В отличие от призыва, которому свойственны высокая диапазонная высота в сочетании с интенсивным произнесением глагола в повелительном наклонении, восклицательный характер сегмента и наличие восходящего тона на реме сообщения, совет (*Также обрати внимание, мой брат, как всевышний выдвинул вперед вражду перед ненавистью; О, раб Аллаха, если ты намереваешься спастись и надеешься на милость твоего Господа, которую Он предписал для богобоязненных рабов, отдались от всех тагутов, и берегись их ширка сейчас и др.*) оформляется при помощи высокой диапазонной высоты глаголов в повелительном наклонении.

Интонаемы приказа и призыва оформляются при помощи резкого падения тона на глаголах в повелительном наклонении и увеличенной интенсивностью.

В числе *эмотивных интоном* выявлены интонаемы сочувствия, которые помогают говорящему выразить свое расположение и внимание к слушателю, готовность помогать: *Остерегайся, о раб Аллаха, отступить от слов единобожия, остерегайся проявлять небрежность в утверждении того, что утверждают эти слова и в отрицании того, что они отрицают...* (из текстовых материалов социальных сетей). Характеризуются замедленным темпом речи, низкой диапазонной высотой, «теплым» тембром голоса. Таким способом создается впечатление доверительного контакта, говорящий как бы общается слушателю: «Я готов тебе помочь».

Согласно поправке к ФЗ от 23 ноября 2015 г. № 314-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии экстремистской деятельности“», ст. 1 священные книги мировых религий не могут приравниваться к экстремистским материалам: «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами». Поэтому в том случае, если в тексте цитируется какая-либо из указанных в законе

священных книг, интерпретация такой цитаты не представляется возможной. В рамках дискурсивного анализа цитата может быть проанализирована не с точки зрения своего смысла, а с точки зрения ее функционирования в тексте и ее включенности в текст [Волкова 2016: 27]. Несмотря на обилие религиозной лексики и речевых оборотов религиозной тематики, такие тексты, как отмечалось нами выше, могут принимать характер псевдорелигиозных.

Тексты подобного рода могут быть в жанровом плане определены как назидательные, наставнические, тем не менее в них авторские суждения зачастую обретают такие модусные составляющие, что главная цель публикаций / аудио-, видеотекстов заключается в побуждении массового адресата к активным действиям по отношению к определенной социальной группе [Мишланов, Салимовский 2013]: *...не входите в эту несправедливую группу только потому, что они называют себя „халифатом“, ... Будьте внимательны в своей религии, ... а псевдомуджахиды из псевдохалифата с их жестокими сердцами, криками и проклятиями — они мне до лампочки — не к ним обращаюсь; ...шахиды из них — это лучшие из мусульман... отдают свои жизни не задумываясь ради Лика Аллаха...* (Хадис аль-Бухари); *ибн Теймия сказал: Ваджиб, обязательно убить того, кто ругает Посланника Аллаха!* (из текстовых материалов социальных сетей).

Не все выделенные нами фрагменты содержат призывы, но по содержанию и эмоционально-экспрессивной окраске объективно должны рассматриваться как речевые действия, имеющие одной из коммуникативных целей внушить враждебное (неприятное, негативное) отношение к немусульманам (внутри одной религии — к тагутам, т. е. идолопоклонникам, и лжемуджахедам, которые не совершают джихад), возбудить резко отрицательно-оценочные чувства к ним. Не являясь по формальным признакам призывами, эти высказывания и обращения «коммуникативно и тактически ориентированы» (термины и некоторые обозначения В. А. Мишланова и В. А. Салимовского [Мишланов, Салимовский 2013]) на усиление иллюзии призыва. В контексте публикуемого/распространяемого материала они становятся мощным аргументирующим средством, возможно, и манипулятивной тактикой «апеллирования к чувствам адресата» [Там же].

Конечно, у различных слоев общества, контактирующих с объектами описания, может наблюдаться индивидуальная реакция, которая, в свою очередь, лежит в пределах

от одобрения до отрицания излагаемого устно или письменно, в аудитории или в социальных сетях. В ряде случаев возможно полное безразличие к содержательному и воздействию моменту. Особенности анализируемых дискурсов (социально-политических или религиозных и пр.), используемые в объектах исследования коммуникативные тактики вербального воздействия сводятся к группам коммуникативных установок донести идею и оказать нужное воздействие на определенную группу реципиентов.

Исследователи справедливо отмечают, что успешная интерпретация смысла экстремистского текста возможна при условии, когда его структура и содержание соответствуют особенностям сознания и восприятия «деструктивной личности». Указывается, что «априори экстремистская деятельность деструктивна, как и реализующий ее субъект, однако их отождествление не будет верно» [Экстремистский текст и деструктивная личность 2011]. Иными словами, взаимосвязь между деструктивностью и готовностью к экстремистским действиям установить только лингвистическими методами не удастся. Лингвоэкспертологические результаты показывают, что понятия «деструктивность» и «экстремистский текст» взаимообусловлены: например, достаточно высокий уровень деструктивной установки может привести и обычно приводит к связи экстремистских идей в сознании читателя/слушателя, следствием которой является ксенофобия по отношению к представителям определенной национальности, религии, субкультуры [Там же].

Таким образом, проведение лингвистических экспертиз помогает наметить пути решения актуальных вопросов, связанных с многообразием вербальных (в сравнении и совокупности с невербальными) способов репрезентации призывов (побуждений, обращений и высказываний, иллюкативно связанных с призывами) в связи со степенью их определенности в восприятии адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. — М.: Либроком, 2016.
2. Бредемайер К. Искусство словесной атаки: практическое руководство : пер. с нем. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.
3. БТСРЯз = Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: РАН, ИЛИ : Норинт, 2007.
4. Власова О. Б. Признаки призыва в контексте лингвистической экспертизы // Международный исследовательский журнал. 2016. № 9 (51). Ч. 4. С. 123—125.
5. Волкова А. Г. Методика дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе религиозных текстов: особенности применения // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. — Ростов н/Д, 2016. С. 26—30.
6. Галышина Е. И. Лингвистика vs экстремизм: в помощь судьям, следователям, экспертам. — М., 2006.
7. Голикова Л. М. Семиотика экстремистского текста // Уголовный процесс. — М., 2014. № 7. С. 66—69.
8. Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза. — М.: Флинта, 2016.
9. Игисенов Б. К. Словесный экстремизм как явление: истоки, признаки, интерпретации и формы проявления в тексте // Национальные приоритеты России. — Омск, 2018. № 2 (29). С. 59—61.
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М.: ЛКИ, 2008.
11. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юридический мир, 2006.
12. Казаков Г. А. Религиозный пафос советских гимнов // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 196—203.
13. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 47—73.
14. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методологические основы психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. — М., 2011.
15. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Этнический экстремизм в средствах массовой коммуникации с точки зрения судебной лингвистической экспертизы // Вестн. Перм. ун-та. 2013. Вып. 4 (24). С. 63—75.
16. Морозов Д. В. Вербальные средства манипуляции в русскоязычном экстремистском тексте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Н. Новгород, 2016.
17. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1989.
18. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульты / под ред. проф. М. В. Горбаневского. — М.: Медя, 2004.
19. Пинкевич Т. В., Черных Е. Е. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2014. № 3 (27). С. 141—145.
20. Рогожникова Т. М. Суггестивные ресурсы вербальных моделей // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4 (38). С. 163—177.
21. Рогожникова Т. М., Салихова Э. А. Лингвистические и психолингвистические признаки креолизованного конфликтного текста: технологии выявления и описание // Евразийская адвокатура. — М.: АНО «Евразийский НИИ проблем права», 2019. № 1 (38). С. 26—38.
22. Салихова Э. А. Экспертиза конфликтного текста: об отдельных лингвистических и о лингвистических признаках экстремистского текста // Евразийская адвокатура. — М.: АНО «Евразийский НИИ проблем права», 2016. № 3 (22). С. 58—63.
23. Судебно-психологическая экспертиза. Психолого-лингвистическая экспертиза материалов экстремистской направленности : учеб.-метод. пособие / сост. Л. З. Подберезкина, Е. Ю. Федоренко. — Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2012.
24. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. — Челябинск : Энциклопедия, 2008.
25. Экстремистский текст и деструктивная личность : моногр. / Ю. А. Антонова, Л. Е. Веснина, М. Б. Ворошилова, К. В. Злоказов, Ю. Р. Тагильцева, А. А. Карапетян. — Екатеринбург, 2011.

E. A. Salikhova

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9570-1763

 E-mail: salelah12@yandex.ru.

To the Question of the Verbal Realization of Appeal

ABSTRACT. *The paper contains data on the peculiarities of verbal realization of the genre of appeal in texts of different (political, religious, social) orientation. The author tries to determine the main characteristics of the content of appeals – statements of inducing nature – while conducting trial and pre-trial linguistic expertise. The author demonstrates the analysis of explicit and implicit (hidden, indirect) appeals on concrete examples. Linguistic and psycholinguistic criteria necessary for identification of the abovementioned appeals are singled out by the author on the basis of analysis of expertise materials. The paper also takes into account the role of the non-verbal component of the genre of appeal in terms of its verbal representation. The analyzed classifications are just another step towards the development of a well-founded scientific position on this issue. Complex and meticulous work is still to be done in order to work out a final list of linguistic criteria for a comprehensive classification of appeals to extremist activity. The study may help to highlight certain issues that are insufficiently covered in the theory of the modern Russian language and in the practice of linguo-expertise studies. The article aims to continue the scientific discussion on these issues, which is necessary to establish clear understanding in this area. The paper argues the objective necessity of scientific research in this area which can be beneficial both theoretically and practically. The author hopes the publication material might be useful for future linguistic research or expertise.*

KEYWORDS: linguistic expertise; appeals; lexical semantics; psycholinguistics; political discourse.

AUTHOR'S INFORMATION: Salikhova El'vina Akhnafovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Language Communication and Psycholinguistics, Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia.

FOR CITATION: Salikhova, E. A. To the Question of the Verbal Realization of Appeal / E. A. Salikhova // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 167-176. — DOI 10.26170/pl19-02-19.

REFERENCES

1. Brinev K. I. Reference Book on Judicial Linguistic Expertise. — Moscow : Librokom, 2016. [Spravochnik po sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize. — M. : Librokom, 2016]. — (In Rus.)
2. Bredemayer K. Art of Verbal Attack: a Practical Guide : transl. from Deutch. — Moscow : Alpina Business Books, 2005. [Iskusstvo slovesnoy ataki: prakticheskoe rukovodstvo / per. s nem. — M. : Al'pina Biznes Buks, 2005]. — (In Rus.)
3. BTRSYaz = Big Dictionary of the Russian Language / comp. and ch.-ed. S. A. Kuznetsov. — Saint Petersburg : RAS, OR: Norint, 2007. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : RAN, ILI : Norint, 2007]. — (In Rus.)
4. Vlasova O. B. Signs of Appeal in the Context of Linguistic Expertise // International Research Journ. 2016. № 9 (51). Part 4. P. 123—125. [Priznaki prizyva v kontekste lingvisticheskoy ekspertizy // Mezhdunarodnyy issledovatel'skiy zhurnal. 2016. № 9 (51). Ch. 4. S. 123—125]. — (In Rus.)
5. Volkova A. G. Methodology of Discursive Analysis in the Linguistic Examination of Religious Texts: Features of Application // Language and Law: Actual Problems of Interaction. — Rostov on Don, 2016. P. 26—30. [Metodika diskursivnogo analiza v lingvisticheskoy ekspertize religioznykh tekstov: osobennosti primeneniya // Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya. — Rostov n/D, 2016. S. 26—30]. — (In Rus.)
6. Galyashina E. I. Linguistics vs Extremism: to Help Judges, Investigators, Experts. — Moscow, 2006. [Lingvistika vs ekstremizm: v pomoshch' sud'yam, sledovatelyam, ekspertam. — M., 2006]. — (In Rus.)
7. Golikova L. M. Semiotics of Extremist Text // Criminal Procedure. — Moscow, 2014. № 7. P. 66—69. [Semiotika ekstremistskogo teksta // Ugolovnyy protsess. — M., 2014. № 7. S. 66—69]. — (In Rus.)
8. Grachev M. A. Forensic Linguistic Expertise. — Moscow : Flinta, 2016. [Sudebno-lingvisticheskaya ekspertiza. — M. : Flinta, 2016]. — (In Rus.)
9. Igisenov B. K. Verbal Extremism as a Phenomenon: Sources, Signs, Interpretations and Forms of Manifestation in the Text // National Priorities of Russia. — Omsk, 2018. № 2 (29). P. 59—61. [Slovesnyy ekstremizm kak yavlenie: istoki, priznaki, interpretatsii i formy proyavleniya v tekste // Natsional'nye priority Rossii. — Omsk, 2018. № 2 (29). S. 59—61]. — (In Rus.)
10. Issers O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. — Moscow : LKI, 2008. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M. : LKI, 2008]. — (In Rus.)
11. How to Conduct a Linguistic Examination of a Controversial Text? Memo for Judges, Media Lawyers, Lawyers, Prosecutors, Investigators, and Experts / ed.: prof. M. V. Gorbanevskiy. 2nd ed., corr. and add. — Moscow : Legal World, 2006. [Kak provesti lingvisticheskuyu ekspertizu spornogo teksta? Pamyatka dlya sudey, yuristov SMI, advokatov, prokurorov, sledovateley, doznavateley i ekspertov / pod red. prof. M. V. Gorbanevskogo. 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Yuridicheskiy mir, 2006]. — (In Rus.)
12. Kazakov G. A. Religious Pathos of Soviet Anthems // Political Linguistics. 2013. № 4 (46). P. 196—203. [Religioznyy pafos sovetskikh gimnov // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4 (46). S. 196—203]. — (In Rus.)
13. Kara-Murza E. S. Linguistic Expertise as a Procedure for Political Linguistics // Political Linguistics. 2009. № 1 (27). P. 47—73. [Lingvisticheskaya ekspertiza kak protsedura politicheskoy lingvistiki // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 1 (27). S. 47—73]. — (In Rus.)
14. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. Theoretical and Methodological Foundations of Psychological and Linguistic Expertise in Cases Related to Countering Extremism. — Moscow, 2011. [Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu. — M., 2011]. — (In Rus.)
15. Mishlanov V. A., Salimovskiy V. A. Ethnic Extremism in the Media from the Point of View of Judicial Linguistic Expertise // Perm. Univ. Journ. 2013. Vol. 4 (24). P. 63—75. [Etnicheskiy ekstremizm v sredstvakh massovoy kommunikatsii s tochkii zreniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy // Vestn. Perm. un-ta. 2013. Vyp. 4 (24). S. 63—75]. — (In Rus.)
16. Morovov D. V. Verbal Means of Manipulation in the Russian-language Extremist Text : thesis of Cand. of Philol. Sciences : 10.02.01. — Nizhny Novgorod, 2016. [Verbal'nye sredstva manipulatsii v russkoyazychnom ekstremistskom tekste : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — N. Novgorod, 2016]. — (In Rus.)
17. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian Language / ed.: N. Yu. Shvedova. — Moscow : Russian language, 1989. [Slovar' russkogo yazyka / pod red. N. Yu. Shvedovoy. — M. : Russkiy yazyk, 1989]. — (In Rus.)
18. Memo on the Appointment of Judicial Linguistic Expertise: for Judges, Investigators, Prosecutors, Experts, Lawyers and

Legal Advisers / ed.: prof. M. V. Gorbanevskij. — Moscow : Medea, 2004. [Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy: dlya sudey, sledovateley, doznateley, prokurorov, ekspertov, advokatov i yuriskonsul'tov / pod red. prof. M. V. Gorbanevskogo. — M. : Medeya, 2004]. — (In Rus.)

19. Pinkevich T. V., Chernykh E. E. Public Calls for Terrorist Activities or Public Justification of Terrorism: Problems of Qualification // Acad. of Ministry of Internal Affairs of Russia in Nizhny Novgorod Journ. 2014. № 3 (27). P. 141—145. [Publichnye prizyvy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatel'nosti ili publichnoe opravdanie terrorizma: problemy kvalifikatsii // Vestn. Nizhegor. akad. MVD Rossii. 2014. № 3 (27). S. 141—145]. — (In Rus.)

20. Rogozhnikova T. M. The Suggestive Resources of Verbal Models // Questions of Psycholinguistics. 2018. No. 4 (38). P. 163—177. [Suggestivnye resursy verbal'nykh modeley // Voprosy psikholingvistiki. 2018. № 4 (38). S. 163—177]. — (In Rus.)

21. Rogozhnikova T. M., Salikhova E. A. Linguistic and Psycholinguistic Features of a Creolized Conflict Text: Identification Technologies and Description // Eurasian Advocacy. — Moscow : ANO "Eurasian Research Institute of Legal Problems". 2019. № 1 (38). P. 26—38. [Lingvisticheskie i psikholingvisticheskie priznaki kreolizovannogo konfliktogennogo teksta: tekhnologii vyyavleniya i opisanie // Evraziyskaya advokatura. — M. : ANO «Evraziyskiy NII problem prava», 2019. № 1 (38). S. 26—38]. — (In Rus.)

22. Salikhova E. A. Examination of a Conflict Text: On Separate Linguistic and on Linguo-Semiotic Signs of an Extremist Text // Eurasian Advocacy. — Moscow : ANO "Eurasian Research Institute of Legal Problems", 2016. No. 3 (22). P. 58—63. [Ekspertiza konfliktogennogo teksta: ob otdel'nykh lingvisticheskikh i o lingvosemioticheskikh priznakakh ekstremistskogo teksta // Evraziyskaya advokatura. — M. : ANO «Evraziyskiy NII problem prava», 2016. № 3 (22). S. 58—63]. — (In Rus.)

23. Forensic Psychological Examination. Psychological and Linguistic Examination of Extremist Materials : studies.-method. manual / comp. L. Z. Podberezkina, E. Yu. Fedorenko. — Krasnoyarsk : Siberian Federal Univ., 2012. [Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza. Psikhologo-lingvisticheskaya ekspertiza materialov ekstremistskoy napravlenosti : ucheb.-metod. posobie / sost. L. Z. Podberezkina, E. Yu. Fedorenko. — Krasnoyarsk : Sibirskiy federal'nyy un-t, 2012]. — (In Rus.)

24. Shelestyuk E. V. Speech Impact: Ontology and Research Methodology. — Chelyabinsk : Encyclopedia, 2008. [Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya. — Chelyabinsk : Entsiklopediya, 2008]. — (In Rus.)

25. Extremist text and Destructive Personality : Monograph / Yu. A. Antonova, L. E. Vesnina, M. B. Voroshilova, K. V. Zlokazov, Yu. R. Tagiltseva, A. A. Karapetyan. — Ekaterinburg, 2011. [Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost' : monogr. / Yu. A. Antonova, L. E. Vesnina, M. B. Voroshilova, K. V. Zlokazov, Yu. R. Tagiltseva, A. A. Karapetyan. — Ekaterinburg, 2011]. — (In Rus.)